

*«О, я шутить
не люблю;
я им
всем
задам
острастку!»*

«Уже с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом» (Письмо Шевыреву из Неаполя от 27 апреля 1847 года).

«Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого точно нет у других писателей» («Из переписки с друзьями», XVIII, 3).

«Вы эту скотину (черта), бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он щелкопер и весь состоит из надуванья

Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечат, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он черт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти. Пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело».

*Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней
он.*

Как характеризует Хлестакова его речь?

• В ней перепутаны разные стили:

а) романтическая “светская” болтовня (“Привыкли жить... в свете и вдруг очутиться в дороге”; “грязные трактиры”, “мрак невежества”);

б) чиновничье-канцелярский жаргон (“Извольте, господа, я принимаю должность”, “...для письма, этакая крыса...”);

в) книжно-сентиментальный стиль (“Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки”);

г) разговорно-бытовые просторечия (“И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно”).

• ***Речь Хлестакова показывает его полное безмыслие, он часто противоречит сам себе и не замечает этого, у него действительно лёгкость необыкновенная в мыслях.***

Вранье Хлестакова

- Начальник отделения с ним на дружеской ноге.
- Его хотели сделать коллежским асессором.
- Сторож бежит за ним почистить сапоги.
- С Пушкиным на дружеской ноге.
- Много насочинял.
- Дом у него первый в Петербурге.
- Он бывает на великолепных балах.
- Играет в вист с разными посланниками.
- Живёт в бельэтаже.
- Управлял департаментом.
- Его сам государственный совет боится.
- Его приняли за главнокомандующего.

Гоголь, первый, увидел черта без маски, увидел подлинное лицо его, страшное не своей необычайностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понял, что лицо черта есть не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, реальное «человеческое, слишком человеческое» лицо, лицо толпы, лицо, «как у всех», почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы не смеем быть сами собой и соглашаемся быть, «как все».

Таков всеобъемлющий круг его созерцания: все, что имеет три измерения, приводит он к двум или к одному — к совершенной плоскости, пошлости; *потому все это и в ход пошло, что так пошло*. Он сокращает всякую мысль до последней степени краткости, облегчает ее до последней степени легкости, отбрасывает ее конец и начало, оставляя одну лишь бесконечно малую, самую срединную точку — и то, ***что было вершиною горного кряжа, становится пылинкою, носимую ветром по большой дороге***. Нет такого благородного чувства, такой глубокой мысли, которые не могли бы, стершись, выветрившись, благодаря этому хлестаковскому гению сокращения, облегчения, сделаться серою пылью.